

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
К35

Caroline Kepnes
HIDDEN BODIES

Copyright © 2016 by Alloy Entertainment and Caroline Kepnes

Cover design by Natalie C. Sousa

Кепнес, Кэролайн.

К35 Новая Ты / Кэролайн Кепнес ; [перевод с английского
К. А. Карповой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с.

ISBN 978-5-04-103616-4

Джо Голдберг, продавец из книжного магазина, – специалист в сокрытии тел. На его счету их уже четыре – сопутствующий ущерб в поисках идеальной любви. Собирается он разобраться и с пятым, наказав свою бывшую за предательство. Голдберг узнал, что девушка уехала в Лос-Анджелес, и последовал за ней. Но здесь его планы резко изменились. Потому что Джо... влюбился, как никогда в жизни. Все прочие дела сразу перестали иметь значение, и теперь он собирается начать новую жизнь, перечеркнув свое прошлое.

Однако проблема с сокрытыми телами состоит в том, что иногда они оказываются на поверхности...

**УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44**

© Карпова К.А., перевод
на русский язык, 2019
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-103616-4

*Эта книга для тебя, мама.
Спасибо, что подарила мне жизнь.*

1

Я покупаю Эми фиалки. Не розы. Розы дарит тот, кто чувствует себя виноватым. А за мной нет вины. Я — идеальный любовник. И выбор я сделал правильный: Эми Адам живет здесь и сейчас, а не в виртуальном мире.

— Фиалки — символ Род-Айленда, — говорю я парню, заворачивающему цветы. У него грязные руки, и он небрежно мнет лепестки. Мои лепестки. Чертов Нью-Йорк!

— Да ладно? — Он хмыкает. — Чего только не узнаешь...

Расплачиваюсь наличными и выхожу на улицу. Солнце печет совсем по-летнему, хотя еще только май. Вдыхаю аромат цветов. Род-Айленд... Я бывал там. Прошлой зимой довелось съездить в Литтл-Комптон. Тогда я был не в себе от любви к Джиневре Бек (упокой Господь ее душу) и от ревности к ее эмоционально нестабильной подруге Пич Сэлинджер (упокой Господь ее душу)¹.

Мне сигналият. Приношу извинения. Сам виноват: задумался и вылез на мигающий сигнал светофора. А я не из тех придурков, что не способны признать свою ошибку.

Прошлогодную ошибку я тоже признаю. Прокручиваю ее снова и снова у себя в голове по сотне раз на дню: как спрятался в шкафу на втором этаже в загородном доме

¹ Здесь и далее: все события из прошлого Джо, упоминаемые в книге, подробно описаны в романе К. Кепнес «Ты».

Сэлинджеров, как захотел в туалет и был вынужден отлить в кружку из-под кофе и как сбежал при первой же возможности, забыв ее опорожнить. С тех пор это не дает мне покоя.

Изменить прошлое нельзя, но из него можно сделать выводы. Теперь я стал гораздо внимательнее. Например, помню до мелочей, как Эми Кендалл Адам вернулась в книжный магазин — в мою жизнь. Вижу ее улыбку, непослушные светлые локоны и фальшивое резюме. Это было пять месяцев назад. Она заявила, что ищет работу, но ты и я, мы оба знаем, что она искала меня. Я нанял ее, и в первую же смену Эми явилась со списком редких букинистических книг, которые хотела бы увидеть. Еще она притащила контейнер с ягодами асаи и заявила, что если их есть, то можно жить вечно. Я возразил, что смерть приходит за всеми, и Эми рассмеялась. У нее милый задорный смех. А еще она принесла латексные перчатки. Я поднял одну с прилавка и спросил:

— Зачем это?

— Чтобы не повредить редкие книги.

— Послушай, от тебя требуется лишь расставлять новые поступления и сидеть за кассой.

— Ладно, поняла. А ты знаешь, что стоимость некоторых изданий «Алисы в Стране чудес» доходит до миллиона долларов?

Я рассмеялся:

— Не хочу тебя расстраивать, но у нас внизу нет «Алисы».

— Внизу? Значит, особые книги хранятся там?

Мне захотелось обнять ее за талию и затащить вниз, в клетку — в наше надежное укрытие. Запереть дверь, сорвать одежду и овладеть ею. Но я сдержался. Вручил ей анкету и ручку.

— Можем прошвырнуться с тобой по дворовым распродажам, — не унималась Эми. — Знаешь, иногда там попадаются настоящие сокровища.

Я улыбнулся:

— Хорошо, только если ты больше не будешь предлагать мне «прошвырнуться».

Эми улыбнулась. Она была твердо намерена развить бурную деятельность: ездить по распродажам имущества, следить за ликвидациями библиотечных фондов и копаться в коробках, оставленных на улицах, — вместе со мной. Потому что это лучший (и самый быстрый) способ сблизиться: вы спускаетесь вместе в покинутые, пропахшие плесенью комнаты и вместе вылетаете оттуда, чтобы глотнуть свежего воздуха, и хохочете, и соглашаетесь, что самое время выпить. Мы стали командой.

Какая-то старуха, ковыляющая с подпоркой по улице, кивает мне. Я улыбаюсь. Она показывает на цветы:

— Ты хороший мальчик.

Да, это так. Благодарю ее и иду дальше.

С Эми у нас все завертелось пару месяцев назад. Мы перебирали книги в кабинете только что преставившегося господина из Верхнего Ист-Сайда, и Эми потянула меня за лацкан темно-синего пиджака, который сама же мне и купила за пять баксов на гаражной распродаже. Она хотела, чтобы я выложил семь сотен за помятый том «Пасхального парада» с автографом автора.

— Эми, — шепнул я ей, — на Йейтса спроса нет и в обозримом будущем не предвидится.

— Я его обожаю, — простонала она. — Эта книга много для меня значит.

Ох уж эти женщины! Всегда идут на поводу у эмоций. Так денег не заработаешь, но и сказать «нет» Эми, глядя в ее огромные голубые глаза и ощущая запах ее длинных

светлых волос, как из клипа «Ганз ‘н’ Роузез», было невозможно.

— Все, что хочешь, для тебя сделаю, — клянчила она.

Через час у меня в рюкзаке валялся никому не нужный «Пасхальный парад», а Эми отсасывала мне в туалете ближайшего «Старбакса», но это было ни капли не пошло, а напротив, чертовски романтично, потому что мы сходили с ума друг по другу. Это был не вульгарный минет, нет-нет, друзья мои, а настоящая фелляция. Потом Эми поднялась, я сорвал с нее джинсы-«бойфренды»... и остолбенел. Нет, конечно, я знал, что она не любит бриться: не раз замечал щетину у нее на ногах и слышал ее разглагольствования про рациональное расходование водных ресурсов, — но к такому я был не готов. Она притянула меня к себе.

— Добро пожаловать в джунгли.

От одного воспоминания об этом я расплываюсь в улыбке. Я счастлив. Мы с Эми сексуальнее, чем Боб Дилан и Сюз Ротоло на обложке его альбома «The Freewheelin’ Bob Dylan»; изобретательнее, чем Том Круз и Пенелопа Круз в «Ванильном небе». И у нас есть общее дело: мы скупаем все экземпляры «Случая Портного» Филипа Рота. Это наша любимая книга. Мы даже перечитывали ее вместе. Эми исчеркала весь свой экземпляр маркером, выделяя избранные отрывки. Я попросил ее быть аккуратнее и использовать что-нибудь менее яркое, а она заявила:

— Ненавижу блеклую аккуратность!

В этом вся Эми. Она сама страсть. И с ума сходит по «Случаю Портного». Я хочу скупить все изданные желтые томики и спрятать их у себя в подвале, чтобы только мы могли к ним прикасаться. Конечно, с точки зрения бизнеса это неоправданное расточительство, но я обожаю тра-

хоть Эми рядом с внушительной стеной из желтых корешков. Филипу Роту такое понравилось бы. Когда я рассказал об этом Эми, она расхохоталась и предложила написать ему письмо. Да, ей не откажешь в творческой дерзости.

У меня звонит телефон — электромонтер из «Глистон бразерс» по поводу установки увлажнителя. Подождет. На электронную почту пришло письмо с новостного сайта «БаззФид» о том, что они составляют список самых модных независимых книжных магазинов Нью-Йорка. Потом. Всё потом! В жизни нет и не может быть ничего более срочного, чем любовь, — когда хочется просто идти по улице и представлять свою девушку обнаженной на кипе желтых книг.

Подхожу к магазину, открываю дверь. Звенит колокольчик. Эми смотрит на меня и скрещивает руки. Может, у нее аллергия на цветы. Может, фиалки — отстой.

— В чем дело? — спрашиваю я, замирая. Неужели это оно — начало конца, когда девушка из сексуальной миллашки превращается в капризную суку — словно из купленной тачки выветривается опьяняющий запах новизны.

— Цветы? — Она фыркает. — Знаешь, чего я действительно хочу?

Мотаю головой.

— Ключи! Только что заходил парень, интересовавшийся Йейтсом, и если б у меня были ключи, я показала бы ему книгу.

Швыряю букет на прилавок.

— Притормози. Ты записала его телефон?

— Джо! — Она топает ногой. — Книги — моя страсть. Я обожаю этот магазин. Думай обо мне что хочешь, но тут вся моя жизнь. Пожалуйста! Дай ключи.

Я ничего не отвечаю. Мне надо запомнить этот момент, спрятать его, как сокровище, в недрах памяти: тихая музыка, «Sweet Virginia» от «Роллингов», приглушенный свет. Дверь не заперта. Висит табличка «Открыто». Я огибаю прилавок, обнимаю Эми и припадаю к ее губам. Она отвечает на поцелуй.

* * *

Раньше никому и никогда ключей не давал. Но это должно было случиться. Жизнь требует перемен. И я к ним готов. В моей кровати достаточно места, и теперь, когда появилась достойная девушка, я рад впустить ее к себе. Я — хозяин своего будущего. И я даже приплатил, чтобы дубликат ключей сделали розовым в цветочек.

Когда я вложил это великолепие в ладонь моей Эми, она сначала оцепенела, а потом принялась осыпать ключи поцелуями.

— Я понимаю, как много для тебя это значит. Спасибо, Джо. Буду беречь как зеницу ока.

Вечером она пришла ко мне, и мы смотрели ее любимый дурацкий «Коктейль» с Томом Крузом (увы, никто не идеален!), занимались любовью, заказали пиццу, а потом у меня сломался кондиционер.

— Надо сообщить хозяину? — забеспокоилась она.

— К черту! Грядет Великий день, Эми.

Я улыбаюсь и заваливаю ее в постель. Небритые ноги царапают меня, но я уже привык. Мне даже нравится. Она облизывает губы.

— Ты о чем, Джо?

— Иди домой и пакуй вещи. Я умчу тебя сегодня на красном кабриолете.

Кусаю ее в шею.

— Ты меня похищаешь?

Если ей так хочется, то да.

— У тебя два часа. Быстро!

2

Она побрила ноги. Я знал, что она понятливая. И я свое слово сдержал. Теперь мы — те самые засранцы, которые колятся по курортам Род-Айленда на красном кабриолете, вызывая всеобщую зависть. Мы — ваш худший ночной кошмар. Мы переполнены счастьем. И нам нет до вас никакого дела: думайте что хотите, делайте что хотите. Я за рулем шикарной тачки, рядом девушка моей мечты. Никаких забот. Никаких тревог. Наконец-то. Только любовь.

Верх поднят, мы поем «Goodbye Yellow Brick Road» Элтона Джона. Я хочу отмотать все назад, хочу вернуть очарование вещам, отравленным болезненной порочностью моей бывшей девушки Джиневры Бек (теперь-то я понимаю, что она страдала пограничным расстройством личности, а это — увы! — не лечится). Бек и ее ненормальные друзья надолго лишили меня привычных радостей жизни. Весь город долго напоминал мне о ней. Я думал, что не смогу больше гулять по Нью-Йорку и наслаждаться музыкой сэра Элтона, потому что его песня звучала, когда я убивал Пич.

Эми гладит меня по плечу и показывает на хищную птицу, парящую в небе. Я улыбаюсь. Какое счастье, что она не из тех дур, которые тут же прикручивают музыку и принимаются нудно обсуждать скрытый символизм увиденного! Она классная. И любит меня. Все чудесно. Но факт остается фактом.

Я забыл опорожнить кружку!

И это меня гложет. Я боюсь последствий. В той ситуации у меня не было выбора: организм требовал своего. Но я не могу простить себе последующей безалаберности. Как можно было оставить свой биологический материал на месте преступления, словно легкомысленная девица — трусики у случайного кавалера? Это оплошность. Сбой системы. Доказательство моего несовершенства, вопреки обычной аккуратности и педантичности. А хуже всего, что у меня даже нет запасного плана, хотя в новой счастливой жизни с Эми я должен быть чист. Кристально чист.

Она протягивает мне свои солнечные очки, покрытые царапинами.

— Ты за рулем — тебе нужнее.

Бек так никогда не поступила бы, а Эми заботится обо мне.

— Спасибо, малышка.

Она нежно целует меня в щеку. Неужели все это происходит со мной? Я не сплю? Любовь преображает мир. В моем сердце не остается ни капли ненависти. Эми, моя целительница, мой очаровательный антисептик, уничтожила ненависть подчистую. Раньше я нередко зацикливался, некоторые даже могут обвинить меня в одержимости. Но Бек была в полном раздразе, так что ради ее же блага мне приходилось обыскивать ее квартиру, читать почту, контролировать «Фейсбук» и «Твиттер», переживать по поводу ее навязчивой писанины, ее противоречий, ее лжи. Однако я усвоил урок. С Эми у нас все чудесно, потому что виртуальная жизнь ее не интересует. Она вне системы. Ее нет ни в «Фейсбуке», ни в «Твиттере», ни в «Инстаграме». У нее даже электронной почты нет. Она пользуется одноразовыми мобильниками, и мне

приходится чуть не каждую неделю забивать в память ее новый номер. Она на сто процентов аналоговая. И мне она идеально подходит.

Поначалу эта ее особенность меня ошарашила и насторожила. Как можно не пользоваться Интернетом? Она что, напыщенная дура, возомнившая себя неизвестно кем? Или лгунья?

— Как же переводить тебе зарплату? — поинтересовался я тогда. — Мне нужен номер банковского счета.

— У меня есть подружка в Квинсе. Я выписываю чеки на ее имя, и она мне их обналичивает. Мы все так делаем. Она никогда не подводит.

— Все?

— Ну да, мы все — кто предпочитает жить офлайн. Я не одна такая.

Тупые овцы из Интернета мнят себя феями и снежинками. Они хотят, чтобы им непрерывно твердили, как они уникальны, необычны и неповторимы, и чтобы Принс пел «Nothing compares» (да бедняга скорее в гробу перевернется!). Все эти богини «Инстаграма»... «Ах, посмотрите, как я мажу маслом бутерброд!» Наконец-то (хвала Господу!) нашелся кто-то совершенно иной. Эми ничего из себя не строит и не оригинальничает. Мне не приходится в гнетущем одиночестве следить за обновлениями ее статуса и разглядывать постановочные фоточки фальшивого веселья. Когда мы вместе — мы вместе. А когда она уходит, я могу быть спокоен, что она идет туда, куда сказала.

(Конечно, я следил. И телефон ее время от времени проверяю. Должен же я убедиться, что она не врет. Хватит с меня лжи!)

— Кажется, я чувствую запах моря, — замечает она.

— Нет, еще рано.